

До деревни дошёл слух—Варвара едет! Хочет об пензии хлопотать. Ох ты моя родна! Я уж не чаяла свидетьца. Мы вить всю жизнь в соседях прожили. Это уж моя сама задушевная подружка.

... Чё-то долго нѣтука её. Кабы вправду приехала, уж она бы в пѣрву голову ко мне прибежала. Паря, неуж наврала? Им чѣ? Язык-от без костей. А я на радостях плошшуся. Пол во всѣй избе вышваркала, половики выхлопола, по углам веником паутину собрала... Вчерась холóдново наварила, сѣдни шанег настряпала. В кобрег сама спóлзала, доглядѣла продукты—всево хватат, слава Бох. А то Варюха-то с порóгу запросит рыжиков солѣных, да штоб ишшучья голова отварна́ была. Мы, бывать, к яблокам да конфетам-ту непривышны. Вай, дефка, другой день как на угб́льях сижу! Радиво и то не включаю—боюсь прослушать, как воротá хлопнут. Не здря сказано: ждать да догонять—хуже нету!

Вай, однако чѣ-то брякнуло... Выскочила в сени—идѣт!!! Ей Бох Варюха идѣт! Ради Христа, кака гостья-то ко мне припожа́ловала! У меня ноги подкосились. Стала подходить, я пушше-то пригляделась—дак она ли? Неуж вправду Варя? Она счево эдак-ту сгорбатилась?

На крыльце схватáли друг дружку в берѣмя, заревели в голос... Да повела её в избу. Да посадила ко столу. А у самих кусок в горло не лезет—наговоритца не можем. Варюша-то всё трóстит, мол не верю, што дома! Иду, говорит, по улице—ног под собой не чую! Ну, всё даки прижухнулись маленькя. Нáлили чаю. Я уж вижу, што она сама не своя. Ну ка, дай-ка расспрошу, хто у ней чаво:

— Гляжу на тебя, Варюша, у тебя всё ли ладны? Чѣ-то невесѣла ты...

Как была рѣва-корова, так и осталася. Я ишшо не выговорила, а у ней уж глаза мокры. Тут на неё рывкнуть нады, тожно успокоитца:

— Слушай сюда! Ты ково ревѣшь? Ну ка, обсказывай—можеть и плакать-ту нѣ об чем...

— Ох ты моя родна, не знаю, откуль рассказ зачинать...

— Не знат она! Я вить сразу смекнѣла, што не с добра явилась. Три годочка в городе-то прожила, а состарилась на все десять.

— Вай, Лиза! Как не состаришься? Лиза, я в таку мялку попала—не дай Бох никому.

— Варвара, не пужай меня! Што уж за така́ за мялка?

Ревѣ на неё, а у самой сердце заподмывало. Варюха здря говорить не будет.

Мне пали на ум все передачи по радиву да телевизеру ково над стариками в городах-то делают. Ничѣ, што в деревне выросла, голова-то у меня варит будь здоров:

— Мама родимы! Ты уж не в работницах ли у них жила? Вай, дак оне изгалялись над тобой, ли ково ли? Ну Алькя! Приедет она суды, я ей живо кудри-то расчешу! Она не одичала ли? Вай, стыда нету—родну мать в работницах держать! Оне тебе хоть ись-то давали? Гли-ка, по телевизеру-то напрохóт кажут, как над старухами-то куражатца...

Варвара выпучила глаза:

— Ты ково кружашь? Я вить тебе ишшо слова не успела сказать, где ково берѣшь? Кабы работать заставляли, дак это полбеды. Это я привышна... Меж собой у них худо, вот вить чѣ...

Та-а-ак... Я таково повороту не ждала. Растерялася.

— Варя, ты однако ково-то присб́рывашь. Мне дак Алькин Яшка-то смирный показался.

Варюша мольчит, толька успеват глаза вытирать. А у меня в голове шурупы крутятца. Крутятца и придумывают, чѣ это тако «меж собой у них худо»? Видать, поколáчиват Алькю-то... Какá змея с хорошим мужиком подѣковалась? Тут меня как ожгнѣло—одно што из-за вина одичал... Чѣ боле-то? Из-за чево ишшо мужик бабу мутузить будет?

— Вай, Варюша, мы-то об этим дѣху никово не слыхали. Неуж Яшка наготово заливáтца? Так, чем же ей помогч́-то можно? Ну уж девку не оставим одну с пропойцей. Варюха! Бросай чай пить, пошли на почту, радиограмму Альке отбивать—пушай суды едет. Тут мы ей с голоду не дадим умереть. Нет, погоди! Чѣ это Алькя будет бросать свою фатеру да хорошу работу? Нады Яшку в дурдом сдать, там не таких лечат! Полгода—и на ноги поставят мужика!

Глаза у Варюхи высохли. Вижу, очумела. Сказать ково-то хочет, а выговорить не может—то ли склыктыват, то ли и́четца ей после слѣз:

— Вот сроду ты эдак! Ты пошто меня не слушашь-то? Яша-то золотой—не пѣт, не курит,

на работе с доски почёта не слезат... И всё в дом, всё в дом! С три лешево уж натаскал—добро-то нукуды не воходит. Мне ничё тяжёло делать не даёт, у каждово слова мама да мама... Што ты! У меня и в мечтах еково зятя не было...

Правильно на меня Варюха стырит—терпення у меня не хватат долго слушать:

—Ну чё ты тут рассусоливашь? Как всё равно нервы на палец намагывашь! Давай, говори напрямку, хто чево заспёлось?..

Спрашиваю, а шарики-то мои не перестают, крутятца. Из-за чево тогда ишшо моя Варька слезами залеётца? Неуж хто-то захворал! Вай, от старости я окружала, ли чё ли?! Тут и думать нечево, раз зять не пьёт и не дёкуетца, стало бытъ уж прѝсмерти лежит? А я-то вся беспу́та, с расспросами лезу...

—Знашь чё, Варя, никово не говори. Я сама догадалась. Ты пошто сразу-то не сказала? На нево, на Яшку-то, худá болесь ли чё ли навязалась? Вай, ради Христа, дак это чё дёетца на белом-то свете? Эта страмотá, рак-от этот, скоро весь народишко изведёт. Стариков мало, до молодых уж добрался!.. Он чё, шибко захворал, зять-от? Ты не переживай, давай, оболокáйся! К нам тут ссыльново мужика отправили, дак не поверишь—все болести настойкой лечит!

—Тьфу на тебя, прости Восподи! Отведи и отнеси всяково крешшо́ново! Ты счево така заполошна-то?! Вот уж вправду, голова как у вола, да всё кажетца мала... У тебя мозги-то есть?

Ну, слава Бох! Ругатца взялась, скоро должна очу́ствоватца.

—Дак сама виновата, все кишки вытянула с молчанкой. Я уж всяко передумала.

—Я за три-то года отвыкла разговаривать с людьми. Што в КПЗ отсидела. Людей толька в окошки видела. Забыла, что тебе чем доказать, легче снятъ да показать. Сроду ека была—сама всё знашь, рот никому не дашь отворить.

Варвара, видать, всё же взяла себя в руки. Успокоилась:

—Я вить выговорить не могу, не знаю, куды от стыда деватца. Алякя-то моя бегать взялась из-за зятя-то! Спуталась с каким-то приежжим! Ну ка, самбѝ четвёртый десяток, а она ухажера себе нашла!

Я-то всё в голове перебрала, а об этим не подумала. Алякя-то уж така консомолка росла, дак хоть счас бери в газету «Правду» работать. Не подкопатца—в дневнике одне пятёрки да благодарности!

—Гли-ка, счас поднять бы из земли стариков-то, дак с ума бы сошли! Рáне вить тятя ли мама поглядит в твою сторону—сразу ростом ниже станешь! А счас чё? Стариков ни во што не ставят. Моли Бога, што жива да здорова. Мужика бросила—дак это не она первая, не она последня. Народ-от весь

одичал, Бога не боятца... А она, паря, где на него графилась?

—Лешак их знат! Где, поди, што не на работе. Толька об ём заговорю, она замольчит, как уду съела. Она вить чё не захочет, ни за што не скажет—на огне не допрёшь! Я уж с ней и по-доброму разговаривала, и стырила и всяко! Днём-ту одна дома сижу, думаю, придёт с работы, дак я уж настыжѝ рожу-то! А она в резон не берёт! Отвечат, дескать мне не шешнадцать годов, а учителей и без тебя хватат. Ну! Есь у этой бабы мозги или нету?!

—А ты спомни, как она росла. Она ково послушат, когды сроду всима командовала?

—Вай, Лизавета, никово не говори. И так тошно. Тебе дивьш с троими-то, а у меня одна порошши́на. Да уж така картинка—любо поглядеть! И везде-то она пёрва. Да всё-то она на людях. Я думала, уж моя-то Алякя начальником будет. Погляжу на наши руки—не руки, а грабли! Смóлоду пальцы скрючит, дак потом уж ничем не выправишь... А как начальница с ёкими руками руководить будет? Вот и жалела её.

—Я и говорю—сама исповáдила. Сроду ей попере́к слова не сказала. Кусок послáшше—Альке, нову лопатѝну—Альке... Я всё споминаю, как мы с тобой в Кежмы-то летали. На совешшáнне-то. И в райёне народ-от не весь богато ходил, а уж об нас чё говореть? Явились депутатки—все юбчѝнки в заплатах... По магазинам бы сбегать, а деньжонок с собой тоже в обрез. Кройли мы их, кройли и сдѝмали—если чё и брать, дак сабоги резиновы. Войны уж сколь годов нету, а мы всё в черкáх бегам. Зашли в лавку—мамы родимы! А сабоги-то рядами, рядами стоят! И повыше и покороче. И все блестят! Выбрали себе по сабогам, дак вся душа трясѝтца, рады-радѝшеньки!

И какой лешак тебя натока́л к другому прилавку-то сѝнутца?! А там, как на грех, туфельки. Оне у меня и счас в глазах стоят: цветон-ту поднебѝсновы. С клубучками. С пряжками. Продавшица говорит, одне остались, и те маломерки. На ково, мол, их шьют—на куклу одевать, ли чё ли? А как сказала, что оне тридцать четвёртый-то номер, ты свои сабоги отбросила, а туфельки боле из рук не выпустила. Я уж и отговаривала тебя, и стырила—нет, ты гнѝшь свою линию. Где не нады, дак ты на своём постанóвишь, своротить неможно! Алякя-то тебя за них всю исцеловала!

Назавтре гляжу в окошки—бежит из школы. Дожжина льёт, грязѝшша под ногами чáвкат, а она в новых туфельках! У меня сердце зашлось, прямо ходить перестало! Вай, она ково делат? Ох ты, лиходейка ты, сжабашь вить таку красотишшу! Дóбры-то девки в нѝпогодь не то што туфли—черки и те в руках дѝржат, штоб не промочѝть... Ладны, думаю, Варюха умом тронулась—самой одеть нечево, в люди выйти стыдно, а она последние деньжонки на баловство издержала! А ты-то,

Алька, не без головы! Эвон кака лыха вымахала! Ты-то пошто не берегёшь обнову? Ну охота тебе пофорсить, дак одень на туфли-то галоши!

Вишь, с каких пор она тебе подчинятца-то перестала? И тебя не берегёт, и мужика не почитат, и об челядёнке забыла. Однуё себя помлит.

Гляжу, Варюха моя опять носом зашвыркала. Оно хто чево, сидит у меня третий час и всё ревьёт коровой!

— Варюша, но-ка перестань! Надцелась со слезами! — Дак как не заплачешь? Внучка-то помянула. Парень-от весь в зятя, ни дать ни взять! И станет, и сядет, и заговорит—вылитый отец! И карахтером екай же уважительный. Уж до чево малёный парнишка, сроду не загнусит. За три года единово разу не слышала, штоб кáял об чем-нить. С пяти годов читат как большой. По вечерам доминóm да сашками с отцом играют. Дак обыгрыват отца-то! Ну-ка? Это хто из нево вырастет?!

— Ну и слава Бох! Ему годов-ту сколь? Алька-то ево уж не молодинька рожала.

— Дак сколь? Она ево на двадцать девятом году принесла... Вот и шштай, ей тридцать пять сравнялось вёснусь. Седьмой годок ему. До чево ласковый растёт, да разумный. Всё толкúет, пестряк! Гли-ка, я тۇтка то ли с переживання, то ли нажабалась огурцов базарных—чё-то неловко мне сделалось, в брюхе закрутило, да така резóта заспелась! Это бы ишшо ничаво, да пошли газы, ўдержу нету! На стол направляю, хожу креплюсь, а нет-нет да вырветца. Аля-то, сама знашь, долго терпеть не будет. Как скажет, так и припечáтат! «Мама, это неприлично при всех! Еслив ты забыла, дак я поднаўмлю—у нас в избе для этово уборна есть!» Я готова была скрозь землю провалитца. Ну-ка, при зяте сказать! А Мишенька заступилсь: «Мама, ты на бабулю не ругайся! Она даром што попёрдыват, зато шаньги стряпат и пироги».

Тут уж я опять не вытерпела:

— А я тебе чё говорю? Ты хоть сколь обижайся на меня, а я скажу! Девка у тебя с душкóм выросла! Ну-ка, хоть раз она помогла тебе управитца? Ни вилы, ни лопату в руках не держала. Не знат, как дверь во клев отворятца. До восемнадцати годов в деревне прожила, а по хозяйству палец о палец не ударила. Репетироватца в клубе да на собранне—тут её два раз повешшáть не нады.

У Варюхи видать нахипело на сердце-то, рассказыват, а сама аж захлёбыватца слезами:

— Вай, Лиза, я уж её тоже стыдила. Ты, говорю, не одичала ли—парня без отца оставить хошь? Ты ково это придумала? Мне, говорю, как тебя не гáдить-ту, раз у самой головы нету? У тебя мужик-от што красна девка, слова худово от нево не слыхивали. Ты, говорю, за нём как в саду живёшь. Вить не конюх, не сторож—в конторе сидит шшитовóдом! Не хухры-мухры. И в избе, говорю, всё на свете есь. Тебя, дуру, с языка не спуска́т, всё-то

хвалит. Уж вино бы пил да тебя гонял, ишо бы понятно было... Вся ты кругова... тьфу ты будь ты прокля́т, тебе ково не хватат? За геологом за своим ты едак сидеть не будешь, вот помяни моё слово! От добра добра-то умны люди не ишшут... — Едак-едак! Эти испиди́шники—до чево ўшлый народ! У них вить по всему миру, в каждой дыре—по бабе! Где работат, там и подженился. Ему чё? Дуры ево обстирывают, обихаживают, кормят своим. А он отработал—ишши-свишши жениха. — Вот и я это же! Испиди́шник, говорю, твой на край ж...й не сядет! Живёшь вить за мужиком, што у Христа за пазухой! А она мне:

— Вай, мама, да какой он мужик? Какэсь колода-колодой. На всех-то он оглядыватца, штоб худо об ём не подумали да не осудили.

Никак в резон не берёт эта баба, хоть говори хоть нет!!! Ты пошто, говорю, не слушаешь-ту? Исповадил тебя Яшка. Коне-е-ешно... Городской... На булгахтерских курсах отучился... К вину да к матогом непривышной... Дефка-дефка, не жила ты, говорю, с нашими мужиками... Приходил бы через день да каждай день без сознания с работы-то... Да тебя же выгадил бы да выстрамил, а потом ишшо и отбۇцкал... Не знаю, говорю, часто ли про любовь-ту думала бы? А она опять за своё: — Как хошь, а уж не возьмёт меня Степан—от Яши я всё равно уйду! Пушай хочь золотом осыплет... — Но-но... Погляжу, говорю, через месяц-другой, не побежишь ли врыссю за своим Яшей... До меня доведись—я бы побежала...

— Вишь, как городски-то? Живут дверь в дверь, а не знают ково как звать. Убьют у порогу—нихто не выйdet! Жили бы тут, да не дай Бох увидали бы, што она хвостом завияляла, живо бы пропесóчили. И этово ўхаря взяли ли в стяги́, да так бы понужну́ли—штоб забыл, как чужих баб омоушшáть! — Ну-у-у—понуужну́ли?! Мужики—Алькина-то ровня—эти бы ему рожу начилили да фугану́ли бы отцель. Ишь, жеребец какой нашелся, штоб ему ни дна, ни покрышки!

Чё-то сидим-сидим, а веселья нету. Всё одно да по одному. Боле не об чем поразговаривать, кроме этих испидишников, ли чё ли?

Поглядела я кругом, никакой посудыны в куте нету, куды всё распехáла? Взяла малирóванный чайник, натцедила пива. Достала шшучью голову, поставила чашку с рыжиками. Нарушала хлеба. Разлила пиво, себе и Варюше, по большу́шшей люмéновой кружке. А пока шапéрилась в куте, всё думала—не здря стары люди говорили, мол маленьки детки—маленьки бедки, а больши детки... Вот и есть, што наши-то детки скоро сами баушками будут. Хто их счас передéлат?

— А давай-ка, Варюха, оставайся тут! Мы с тобой уж не в таких годах, штоб свою избу бросать, да по чужим углам гретца. Будем с тобой однем домом

жить. Не поглянетца, в свою избу уйдёшь. И к дитям лезти с советами непочеву. Она вить не дурней нас с тобой. Сами делов наделают—сами пушай и исправляют. Я-то умирать буду, ни к кому из ребят не поеду. И тебе не советую. Давай тут доживать!

Загранпаспорт

У нас счас нова забота, парень наш из Америки посулился к весне приехать, погостить. Дак опеть загвоздка—у его молодухи-то не все документы готовы, переживают, что к тому времю не успеют притти. Не знаю, говорит, вырвемся к вам ли нет.

Товды уж вы суды прилетайте опеть. Я и хватилась—пачпорт тамошной у миня обменивать нады, строк ему вышел.

Куды деватца, пошла в пачпортный, штоб до послёду не дотянуть. И всё бы ничаво—девки сидят обходительны, грамотны, всё живо обстряпали. Кабы не карточка...

— Ну вот, осталось сфотографироватца. Раздевайся, говорят, иди в кабину.

Посадила миня в каку-то капошну кабинку. Да сколь время она мне начитывала! То туды, то суды. То прижмись, то отодвинься. То голову опусти, то подыми. Но хуже всево, што глядеть прямо нады...

А как бытто прямо-то глядеть?! Не знаю уж, што за ланпы оне тамака навешали, но до чево яркó горят, глаза открыть неможнó! Не успела я устроится половчé да глаза хоть сколь-нить расширить, она уж командует:

— Всё готово, выходи. Узнавай через месяц.

Но, думаю, слава бох, исправилась.

Прошел месяц...

Нады ийти получать документ.

Поглядела в нево—чуть из рук не выпустила!..

— Ты, говорю, родима, чужой чей-от дала.

Паспортиска-то осердилась, обратно мне ево шматырнула:

— Чей чужой? Фамилья-то ваша?

Я призадумалась:

— Дак фамилья моя... А баба-то тут чья сидит?

Она одно што успорят, мол приглядиись, сроду этово не было, штоб кому-то чужу карточку прилепили.

Куды деватца? Достала я очки, давай пúшке глядеть.

Бровишки у миня, правду сказать, белы, а тут уж досталь—никаких нету... Глаза на́дико глядят. Волосья раскосмагились, что у волхитки... Мамы родимы! Рот-от сколь худо ли переко́сило! Ну никово моёво нету! Нос и тот чужой...

— Да нет, дефка, никак не могу себя признать. Не я это! Ково хошь говори—не я!

Тут у меня глаза пáли на одéжу... Дак кофтёнка-то, однако, на мою нахóдит, ли чé ли... Неуж вправду я?! Всё бытто думала, што я ишшо помоложе да побáшше...

— Но, дефки, счас мне эту лопатину нады будет все десять годов пúшке глазу берегчи. Без этой кофты меня в заграницах некто не признает, никуды не пустят.

Похохотали, с тем и ушла... Дó дому всё думала—подфартит куды съездить с новым документом, или вправду никуды не выпустят? Неуж на своёй даче отдыхать до старости придётца?

А потом меня как тóркнуло! Уж не политика ли счас така пошла? А чé, у нас уж скоро работать некому будет. Русски-то, наипáче молоды, не башше грузинов да китайцев, по всему миру разбрелись. Вот оне и придумали нарочí нас на карточках уродовать! Глядишь, которово в пачпорте не признают, тово не выпустят! Я-то, конешно, на пензии давно, лешаку нужна, боле никому...

Счас сижу, на себе волосья рву! Да я сроду не думала, што вправду едак можно изуродовать человека! Два часа глаз не свожу—никак не делаюсь красивше...

Мужику пачпорт ни за што не покажу!.. Ишо приглядыватца ко мне начнёт (оборони́шна мать), да увидит, што я на ету бабу с карточки находить стала... Я ково потом делать-ту буду? Не дай бох, уж вправду чаво заслётца в семье—в суд подам. Деньгами за ушшерб брать не буду. Отсужу, штоб кáжнай год в заграницы летать за шшот паспортиски, котора меня на карточку сымала!!!

Ильин день

Не увидали, как подскочил август. Опеть при́ипас начинатца. Рыжики с груздями да ягоды. Поехали поглядеть черемуху, мол не поспела ли где. Денёк уж до чево баскóй стоял, ясно да жарко. Заехали в кóлок, а её—черным черно! Ой, змея дала, мы счево без посудины-то поехали? Да нашарили в багажнике кошэль, слава Бох. Черемушка-то уж самый раз—почернела, сладкá. А руками ишшо не давитца, собирать ловко. Кошель-то хоть и большой, а двоём живо набрали.

Сам-от давай меня сомушшать:

— Можеть на́ берег заедем, искупнёмся. Нонче за всё лето ноги не намочили в реке-то...

— Так-ту чé не искупнутца... А сёдни како число-то?

— Однако второ... На работу не хожу, дак в численник не заглядываю. А тебе чé число-то?

— Да так, ничё. Счас на ум пало—сёдни вить Ильин день... Большой праздник-от... Старухи говáривали, мол Илья-пророк сёдни льдинку в воду бросил. С Ильина дня купатца большой грех.

— Ну ты и сказанула! И чé—купатца не будем? Гли-ка, жаришша стоит, кака тебе льдинка! Ты навроде нормальна, а как сказанёшь—хоть стой хоть падай!

— Чé я сказанула-то? Не веришь, дак послушай. Как счас помню...

Мы вить на реке-то шшитай, што жили. Из воды всё лето не вылезали. Вся челядь там. Кто в воде плёшшетца, хто на каменьях отогреётся...

Ну дак вот. Я, однако, классе в третем училась, ли чё ли... Эдак же было, второ августа. Собрались с девками под угор бежать. Баушка ни за што не отпускат, дескать заморочало, дожжик направлятца. А нам чё, в дожжик-от вода ишшо тепле кажетца. — Я кому говорю, не пойдёшь! Не знашь, какой сёдни день-то?

— Нету никаково Ильи! Мы же пионерки, нам в школе распатрошили — всё это сказки!

— Стары люди здря не скажут! Илья-то сёдни льдинку в Ангару опустил.

— Подумашь, одна льдинка.

— А само-то главно, хто в Ильин день купатца, тово чёрт за ноги ко дну уташшит. Вот вить чё!

Хто нас отговорит?! Убежали на верхний край, спустились по сельповскому звóзу на́ берег. Нашли подходящее бревёшко, оседлали ево и поплыли на низ. Так и плыли — то на бревне, то рядом. Думали до сельсоветского звóзу доплыть, да увидели на нижнем краю самоходку. Почево и, главно, к кому там пристали? Там и пристани-то нету, от берегу далёкосья стоит, на якоре. Как не поглядеть? Поплыли дальше. Навроде и ветру шибко не было, не знаю уж, чем наше бревно подхватило, глядим — относит нас в реку. Ума-то нету, нет бы бросить бревно да поворачивать на́ берег! Опомнитца не успели, глядим, несёт как раз на эту самоходку. Тут уж мы с ума сошли, оттолкнулись от бревна, да давай к ней подгрбатца. До берегу-то далёко, силёнок не хватит. На самоходке никово не видать, давай мы имáтца хто за што. Меня нанесло на цепь якорну, схватилась за неё без памяти. Валькя, гляжу, виситца на спасательном кругу. Поднятца не может, ножонки-то подмыват, утягиват книзу. Двое булькают сзади, а Наташка почево-то поплыла кругом, видать на другу сторону. Думаю, што с этой стороны не нашла, за што прицепитца. Или уж теченем пронесло её. Чё боле-то? Ишшо не успела извиду скрытца, заныряла. Раз с головой ушла, два ушла... Глядим — нигде её не стало. Вай, ково делать-ту? Это вить она не с добра! И всё молчком. Тут уж, видать, мы шибко испужались, давай реветь! А в самоходке-то люди оказались. Кака-то баба выскочила, не растерялась — нырнула, куды мы казали. Нашла нашу Наташку. Дивья, што у ней косишша большушша была, за неё и вытащила. Ишшо бы маленько — затянуло бы её под днишше. Она уж не здышала, синеть начала. Дак повариха-то грамотна оказалась, всё сделала куды с добром, дай ей Бох здоровья! Тут ишшо два мужика выскочили, да бросилися пособлять. У меня какэсь пальцы свело, кое как от цепи оторвал мужик-от, другой Валькю с кругу снял, надавал ей по жопе. Всех нас на́ берег переправили, Наташку откачали. Некак не помлю,

как она очутилась у Хомайков в избе, хто её туды уташшил? Да успели по тётю Марусю на свинарник сбежали... Счас в глазах стоит — Наташка-то ишшо в себя добром не пришла, лежит на койке, а мать сидит в ногах ни жива, ни мертва...

Тётя Маруся-то шибко боялась, мол отойдёт, дак хоть бы всё ладно было. Она и вправду долго боялась одна в избе оставатца. Сколь раз вить её родимчик хватал. Ну, што ты! Вот бытто всё ничё, сидит ли стоит, потом падат, губёнки почернеют, какэсь заумирáт. А отойдёт — ничё не помнит. Наташка-то и так уж от Христа была, нигде воды не замутит. А тут и все задумыватца стала. Моя-то баба долго к нимя ходила, лечила её от испугу.

Вот мы выросли, из Дворца разъехались. У нас с ней уж по ребёнку было, да угадали вместе приехать в отпуск. Как раз на троицу. Заходит она по меня, а я ребячье выполоскала да развешиваю в ограде. Ругать она меня не ругала, а всё же не утерпела:

— Здря ты сёдни грязнó-то работу делаешь. Я дак по праздникам не стираюсь.

Я издива вышла, ты чё, говорю, не одичала ли? Ты вить учительша. Физике челядят учишь. Ну-ка, спомни-ка, как старух-ту в концертах продёргни-вали?! — Дак дура была! Я не из-за себя боюсь. Представляшь, я сделаю чё-то, а это не на меня, а на ребёнка чем-нить повлият... — Баба говорит, што Бох только лентяев не любит, а работать не грех!

— Ну не знаю... Да ништо не проверял, есть там кто-то или никово нету... А береженого Бох бережет... — Вот и я счас уж запуталась — то ли есть, то ли нет? Самой проверять не охота. А слив на внуцатах отразитца? Боязно как-то...

Счастливая старость

Пашка крестом лежал на кровати и крыл сватоввьёв на чём свет стоит:

— ...Навязались на мою голову! Штоб вся ваша родова до седьмово колена понóсом изошла!

Жáба в рот мужику! Всё утро не затыкátца, распúчило бы тебя от вина-то!..

Но Наде слова ништо не давал. Она молчкóм прибрала молоко, перемыла посудёнку, подмела в избе. Хоть на край света беги — ишь бы не слышать этово гнусйну.

Поглядела в окошко — на своей лавочке сидела Настасья. Вышла к ней:

— Здорова живёшь, тётушка!

— Да ничаво... шапёрюсь тихонькю... Вы ково подёльваете?

— Осенью работы хватат. Присесь нековды.

— Картошки-то ишо не рыли?

— Дак роем с краю-то... Оне нонче выбухали какэсь с ребячью голову — как гнездо, так ведро! Вечóр

кулі спускала в пополье да запястье наджабила. Сёдни никово в руку взять не могу. Не знаю, хто докапывать будет...

— Мужика гоні в огород, зима-то долга. Ково ись будет— он не шибко тебе припасат...

— То и есь... Припаситель... Хотела сёдни поране на Ёрму съездить по рыжики, дак сам-от опеть в худых душах. Вчерась обжабался, счас лежит, орокат. Боле-то приставлятца, стыдно роже-то... Не сёдни-завтре утренники ударят, рыжики околеют. Опеть без солёныны останемся...

— То я гляжу, бытто глаза у тебя невесёлы. Думаю, можесть померёшилось мне...

— Запил опеть... Неделю не просыхат... А пьянай, сама знашь он какой... Вечор сватовья пришли в баню. Мы-то в первой жар сходили. Я ужну направила, всё чин-чинарём. Докуль те из бани вышли— мой уж чуть тёпленький! Ковды успел?! Сяли за стол, вот он буровит и буровит, всяку всёчину собирает... Сват ишо с ним выпить отказался, он и вызверился! Расстырили вить, маленька до кулаков дело не дошло...

Я со стыда было сгорела, а ему хоть бы хны! Утром соскочил, да как ни в чём не бывало побежал к нимя опохмелятца! До чего хитёр— приставился, бытто никово не помлит... А сваття, не будь душой, не то што в избу— в ворота ево не пустила... Прибежал домой, што ошпареный! В четверти стояли ишо одёнки пива— всё выхлебал... Вот и хожу по ограде, задёлле ишшу... Дратца-то он не дерётца... Дак вить это ботало языком мелет— слушать гадко! — Дак пошли ко мне. Отдохни. Чаю согрем да поразговаривам. Мне от ребят третёводни посылка пришла. Всё ругаюсь, почево отправляют? Шмутья своёво хватат, мне уж вного ли нады? Всё есь. Дак оне заместо лопати пóлон яшшик сластей наклали... Федя-то приписал, мол зови Надю, чайку попить. Всё веселе, чем одной сидеть. — Гляжу на тебя, тётка Настасья, малёнке с ёки-ми-то дитяи. И не пьют, и работяшши (дай Бог здоровья), и тебя не забывают— даром што далёко живут. Дивья тебе, как сыр в масле каташся.

— Дак оне счево помогать-ту не будут? Больши уж были, как без отца-то остались. Видели, што мне спать нековды было, всё копейку зарабатывала. Вот и жалеют меня...

— Да не все эки... Далёко не все... Эвон, Таня с Аграфеной тоже своих девок без мужиков рбстили... А счас по всему лету выглядывают— не ихны ли с пристани идут? Можесть хочь ребят на лето привезут суды... Не-е-ет... По морям не забывают кататца, а к матерям дороги нету...

Настасья оправила косынку, согласно покачала головой:

— Дак, родима, докуль оне все на глазах— об этим вить не думаешь... Мне уж грех плакать, не забывают. Дак и то думаю, переехал бы хто ко мне, куды бы лучше-то? Оне вить скрость с собой

зовут— поехали, да поехали. Я уж всяко передумала.

— Так-то так. А всё ж даки, дай нам Бох всем таку старость, как у тебя. Да тако уваженне от сыновьёв

Сдаём пушнину

Сёдни сдаём пушнину. Мужиков в заготконторе битком набилось. Все в уме подшшитывают, хто сколь получит. Прикидывают, как ловчэ у бабы выманить на новы лыжи, а хто и на ружьишко замахиватца... И купить охота и штоб не убытошно было.

Хоть како переживанне, а в сельпо посылново снарядить не забыли. Хто первый деньжонки получил, тот и побежал. Бежать недалёко... А добычу не обмыть— грех...

Охотники хто сидит, хто стоит. Переговариваютца. В одном углу спорят, а в другом уж стырить взялись. Даром, што горло промочить не успели, а ревут бытто встёлку напились.

Спорили недолго— сошлись на том, што нонешна осень хуже прошлогодной.

Толя Зая, приёмшик, посмеиватца:

— Сколь годов слушаю ваши разговоры— ни разу нонешным годом не похвастались! Всё-то у вас осень даром прошла! Где на сдачу-то берёте?

— Дак мы счево врать-то будем? Ково хошь спрости— в прошлом гóде куды лучше дóбыли. Белка-то какэсь хóдом шла. Не успевали оснимывать.

— А ты чё сравниваешь? В прошлом годе на шишку урожай был. Раз кóрму навалом, вот и белки и птицы полно. Наипаче пальников.

— Не бай, я одних белок сдал боле двух сотен. Дак это ишо Вера оставила сколь-то нам с ребятами на шапки. А себóгоды— кака охота?!

— Да-а-а, товариш, эти годá соболя-то стало много мене. Кое-как наскрёб, штоб хоть оправдátца. Однако на правьянр да на харчй боле издержáлся.

— Не ты один, все жалуютца— в лесу-то голó, дóху никово нету! Так пойдёт, дак нёпочево и охотитца будет...

Андрей не выдюжил, поддел:

— Тебе, сват, грех плакать— все видали, сколь на сдачу приборóвил. Одних соболей пóлон куль.

— Не знай уж ково вы увидали... Шибко-то завидовать нёчему. Белка нонче вся сполодимо с подпалью. Соболишки невыходны. Добрых-то штуки четыре однако, а эти— ништо ничево. Хорошо, если с половины схóдны будут. На меня-то чё оглядыватца? Эвон Иван с Костей побóле при-ташшили, чё-то не хвастаютца...

Иван сразу ошёршивел:

— А ты, паря, на чужо-то не зарься. Тоже пóтново мало. За еку пушнину хорошу цену ништо не дас. Так што наравне будем получать...

Встрял Николай— лентяй и трепло:

— Ну-у-у! Я бы ёстоль-то дóбыл, счас бы вам бутылку выставил. С такой добычей можно жить!

— Кольша, ты с добрыми-то не равняйся, ага,— все знам, какой из тебя охотник! Ты из зимовья-то, ага, только оправитца выходишь. Тебе вить на лыжи стать нековды, ага! В ночь-полночь рацию включаю—ты уж там сидишь, ага, анекдоты травишь! Пушнина, паря, сама не придёт... За ней, ага, побегать нады!

Тут в углу у дверей захохотали. Все потянулись послушать—над чем?

Платонович сидит в самом углу, сбуривает на Михаила.

А маленько погода вместе со всеми покатывается со смеху:

— В прошлом годе отгуляли мы тут. Я с устатку придремнул, не слышал, как разошлись. Навроде показалось, бытто под столом собака шаробритца. Гляжу, Кобыча выползат! Видать ишо хлешше меня нализался. Ты ково, говорю, там ползашь? Он мне отвечат, да так сурьёзно:

— Пробки от красново вина собираю.

— Оне тебе почево? Не лешака ли с нимя делать-то? На ёлку вешать?

— А ты не знашь? Капканья наживлять буду.

— Не заливай! Сроду не слыхивал, штоб их пробками наживляли...

— А ты где услышишь? Я ланись вычитал в журнале, сам нонче только опровердал. Не поверишь, единово капкана простово не было! Пробки-то пропитались вином, дак соболь на них валом валит! Возьми эвот на пробу, я счас насобираю.

Я шибко-то не поверил. А потом стал задумыватца. Михаил без добычи из лесу не выходит. Пушнины сдаёт порядошно... Опеть же охотничий журнал из году в год выписыват. Там вить ково ни напишут?! Можеть и вправду вычитал...

С другой стороны поглядеть, пробка—это тебе не рыба. Один раз наживил—и на всю зиму хватит. Ходи потом—собирай соболей! Подживлять не нады...

Всюё зиму пробки собирал! Чёлядь настропоил, где увидят—сразу в карман. Павловна и та штук пять притащила.

Всё же наживил я капканья. Дивья—пробочки из карману доставай да поддевай! Это тебе не с накрохой таскятца! Спасибо Мишке!

Сам себе загадал—выдюжу неделю на пүтик не глядывать—буду с добычей... Который день невтерпёж, осаживаю себя, мол пушай поболее попадёт, штоб здря не бегать. Уж шибко хорошо

пойдёт дело с пробками, дак почево с ружьём-то бегать?! Я вить тоже не молодёю, всё лишний день отдохну...

Время идёт. С собакой загнал с десяток соболишек. Ходил влеготочку, не надсажался. Думаю—вдруг в капканья напонадат пропасть, как со всеми-то идти сдавать? Завидовать будут—не без этого... Придётся всем рассказывать об пробках. На другой год, тово и гляди, соболей на всех охотников не хватит...

На восьмой день всё же пошёл проверять. А к капканьям—хоть бы один след! Хоть бы нарощно!...

Чё делать? Давай другой раз ходить, да накроху раскладывать... Ох уж я ево и погадил! Столь время провёл! Хорошо, што он далёко охотитца, а то бы взял грех на душу...

Подошел Хомай, Кобычин зять:

— С моим тестем, паря, не стоскнёшься...

— Но-ка, но-ка расскажи, ково он опеть отчучил?

— Дак чё? Прихожу к нему в избушку, гляжу—кругом соболя сушатца. Уокошка ишо кака-то шкура натянута. Сыздалё-то бытто на песца находит. Он ево де взял? Спрашиваю:

— Ты не шшенка ли застрелил? Уокошка-то ково сушишь?

— Соболя.

— Я чё, соболей не видал? Этот с хорошево песца ростом-ту...

— Ну и чё што с песца? Така порода...

Добыл я огонь, давай пүшке глядеть. Оно хто чево?! И шерсь и мордочка навроде соболины. Дак это што за соболь за такой? Ушей не видать, одне дырки... И лапок-то шштай нисколь нету, какэсь капошны. Как на еких ходить—он чё, на брехе ползат?

Оно это што за диковина? Расцветкой-ту точно как соболь... Лешай знат, што за зверёк...

Я разглядываю, а тесть как ни в чём не бывало похаживат—управлятца, собак кормит.

Как я добром-ту разглядел—уохотался, думал учишаюсь! Это вить нады было додуматца—соболя натянул на большо пяло! Как уж он ево растягивал—не знаю... И уши и лапы—всё утянуто. Дак шкура-то скрось просвечивала, не то што чево! Диву даюсь—как не порвалась?

Это вить нады—соболя не пожалел. Вот уж любитель пошпанить!...